

ИСТОЧНИКИ О СУДЬБЕ ЧИСТОПОЛЬСКОГО КУПЕЧЕСКОГО СЫНА И.Н. АНТРОПОВА ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ В ФОНДЕ «ГЛАВНОГО БЮРО ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ В МАНЬЧЖУРИИ» ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Корева Наталья Анатольевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук»; Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань)
KoreevaNata@mail.ru

SOURCES ABOUT THE FATE OF I.N. ANTROPOV'S CHISTOPOL MERCHANT SON AFTER THE REVOLUTION IN THE FUND OF THE "MAIN BUREAU FOR RUSSIAN EMIGRANTS IN MANCHURIA" OF THE STATE ARCHIVE OF THE KHABAROVSK TERRITORY

N. Koreeva

Summary: The article provides information about the son of a representative of the commercial elite of the district city of Chistopol, Kazan province, I.N. Antropov, who left with the army of A.V. Kolchak and V.O. Kappel during the Civil War and found himself in exile in the state of Manchuria. The source base of the study was the materials of the foundation "Main Bureau for Russian Emigrants in Manchuria", stored in the State Archive of the Khabarovsk Territory. The purpose of the study is to determine what information potential the emigrant's personal file has, whether it is possible to reconstruct living conditions and everyday life on its basis, to identify the emigrant's attitude to the Soviet government and the political regime that was established in Manchuria in the 1930s. The main facts of the biography of the merchant's son I.N. Antropov have been established. It is concluded that the skills of commercial activity acquired in the family, education received back in tsarist Russia, became necessary conditions for his life in a foreign land.

Keywords: Chistopol, merchants, emigrants, Harbin, Manchuria, A.V. Kolchak, V.O. Kappel, The Civil War, The Great Siberian Ice Trek.

Аннотация: В статье приводятся сведения о сыне представителя торговой элиты уездного города Чистополя Казанской губернии И. Н. Антропове, который в период Гражданской войны ушел с армией А. В. Колчака и В. О. Каппеля и оказался в эмиграции в государстве Маньчжу-Ди-Го. Источниковой базой исследования послужили материалы фонда «Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии», хранящиеся в Государственном архиве Хабаровского края. Цель исследования – определить, каким информационным потенциалом обладает личное дело эмигранта, возможно ли на его основе реконструировать условия проживания и быта, выявить отношение эмигранта к советской власти и политическому режиму, который установился в Маньчжурии в 1930-е гг. Установлены основные факты биографии купеческого сына И. Н. Антропова. Сделан вывод, что образование и знания, полученные в царской России, стали необходимыми условиями его жизни на чужбине.

Ключевые слова: Чистополь, купцы, эмигранты, Харбин, Маньчжурия, А.В. Колчак, В.О. Каппель, Гражданская война, Великий Сибирский Ледяной поход.

После Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны восстановить биографии представителей бывшей российской буржуазии непросто из-за ухода основной их части из родных мест (или с фронтов Первой мировой войны) вместе с «белыми» в эмиграцию, и скудным, в связи с этим, состоянием источников. В архивохранилищах, расположенных в регионах их прежнего проживания, практически не осталось достоверных сведений об их дальнейшей судьбе, которые могли бы стать основой для просопографических исследований. Поэтому важно вводить в научный оборот новые источники информации из российских и за-

рубежных архивов, при помощи которых можно было бы восполнить существующие пробелы и проследить за передвижением бывших купцов и их семей. Так, в фонде «Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» Государственного архива Хабаровского края были обнаружены личные дела эмигрантов из уездного г. Чистополя Казанской губернии И. Н. Антропова, П. Д. Архипова, И. С. Власова, В. А. Вотякова, К. В. Вязмина, Х. Х. Гизатуллина, Ф. Г. Ильбикова и других, оказавшихся в г. Харбине в начале 1920-х гг.

Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжур-

ской империи было создано 28 декабря 1934 года в г. Харбине. Первоначальное название – «Бюро русских эмигрантов»¹. 1 июня 1940 г. на его базе было создано Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-Го (в источниках встречаются и другие варианты названия государства – Маньчжу-Ди-Го, Маньчжу-Ти-Го) [4, с. 41; 7, л. 48]. Бюро являлось административным учреждением государства, на которое были возложены следующие задачи: руководство общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защита их правовых, экономических и культурных интересов, ведение статистического учета эмигрантского населения с целью выяснения степени обеспеченности его заработком, количества специалистов различных профессий, которых можно было использовать для повышения уровня промышленного производства и экономического процветания, а также выявление политической и уголовной благонадежности всех эмигрантов.

В связи с этим в 1935 г. Бюро начало проводить регистрацию всего эмигрантского населения старше 17 лет (лиц без различия пола, имевших эмигрантские паспорта, а также русских по национальности, обладавших китайскими паспортами и паспортами Маньчжу-Ди-Го) [8, л. 2–3]. Все эмигранты должны были заполнить анкеты и приложить к ним две фотографии. К маю 1935 г. в Бюро было зарегистрировано 18748 человек [8, л. 27 об.]. Все российские эмигранты должны были ежемесячно вносить в единую кассу Главного бюро однопроцентный взнос с заработка или дохода. На каждого из них было заведено особое «дело», в котором хранились многочисленные анкеты, фотографии, вырезки из газет и донесения, справки, делопроизводственная переписка, пояснения, прошения.

Анкеты заполнялись собственноручно эмигрантом, который нес персональную ответственность за точность и правдивость приведенных сведений. В анкете 1935 г. было четыре раздела: «Общие сведения», «Общественно-политические сведения», «Военные сведения», «Гражданский и общественный стаж». Первый раздел анкеты посвящен таким вопросам из жизни эмигранта, как время и место рождения, вероисповедание, образование, специальность, место службы, получаемый оклад или заработок, место проживания, семейное положение, знание иностранных языков, владение имуществом, наличие судимости. Несколько вопросов второго раздела анкеты посвящено членству в политических, общественных, благотворительных, религиозных орга-

низациях. С целью проверки политической благонадежности эмигранта в формуляр анкеты был включен вопрос о наличии у него советского паспорта и о том, подавал ли он заявление о вступлении в «советское подданство»². В третьем разделе эмигрант должен был ответить на вопросы о периоде военной службы, орденах и знаках отличия, ранениях, о военном образовании и военно-служебном стаже. Последний блок анкеты был посвящен гражданским должностям, в том числе по выборам, ученым степеням и трудам. В целом данные анкет позволяют определить время прибытия эмигранта в Маньчжурию, место службы и род деятельности до 1914, 1917, 1922, 1935 гг., политические убеждения.

В анкете 1936 г. требовалось указать подробные сведения о сословной принадлежности до революции, о всех членах семьи, включая братьев, сестер, время их рождения, подданство, заработок, а также вид заключенного брака (церковный или гражданский), наличие близких родственников в Маньчжурии, их профессии, место службы, домашние адреса. Спрашивали также о тех, с кем из эмигрантов, ниппонцев, маньчжуров, иностранцев респондент был хорошо знаком. Среди пунктов анкеты – вопросы о причинах въезда в Маньчжурию и выезда из СССР, о возможной службе в советских разведывательных учреждениях. В формуляр анкеты были добавлены пункты о деятельности в период с 1910 по 1936 г. (эмигрант должен был указать род занятий в каждом году, в том числе хронологические рамки участия в Великой войне (т.е. в Первой мировой, еще ее называли «германской» войной), в какой армии он был во время Гражданской войны, наименование воинской части). Анкета содержала вопросы о бытовых условиях проживания (на частной или казенной квартире, стоимость аренды). В приложении эмигранты записывали подробности своей службы. Большую ценность для изучения их биографий представляют эго-тексты, сохранившиеся в личных делах (объяснительные, прошения, автобиографии и т.д.).

При анализе этих источников следует учитывать, во-первых, что и анкеты, и дополнительные сведения из своей биографии эмигранты записывали спустя 15 лет после прибытия в Харбин и зачастую делали это по памяти, без документального подтверждения, поэтому в них встречаются неточности, небольшие противоречия. Во-вторых, находясь в чужой для себя стране и стремясь обеспечить себе и своим семьям благополучие, эмигранты понимали, какие события из прежней жизни луч-

1 Бюро было открыто по инициативе Японской военной миссии в Харбине и состояло из представителей двух основных политических сил, лояльных японцам – Союза казаков на Дальнем Востоке во главе с атаманом Г.М. Семеновым и «Русской фашистской партии» под руководством К.В. Родзаевского. Учреждение Бюро оценивалось как создание антикоммунистического пропагандистского комитета. См.: [4, с. 40; 16, с. 171].

2 По подсчетам Русского общества в Маньчжурии и Монголии, к началу 1930-х гг. в Маньчжурии проживало около 110 тысяч россиян, из которых около 60 тысяч имели статус эмигранта и около 50 тысяч были обладателями советских паспортов. См.: [6, с. 90].

ше не афишировать; чувствуя политическую обстановку, они демонстрировали лояльность местной власти. В качестве примера можно привести личное дело одного из эмигрантов – чистопольского купеческого сына Ивана Николаевича Антропова.

Семья Антроповых была известной в дореволюционном городе Чистополе Казанской губернии. Отец Ивана, Николай Александрович Антропов в 1897 г., еще будучи мещанином, избирался кандидатом в гласные Чистопольской городской думы [17, с. 6]. С 1898 г. во всех источниках он упоминается в статусе купца. В периоды с 1898 по 13 декабря 1901 [18, с. 4–5], 1901 по 1905 [19, с. 4–5], 1906–1910 [20, с. 4], 1910–1914 гг. [21, с. 3] и вплоть до революции он избирался гласным думы, в апреле 1917 г. был избран также в Городской комитет общественной безопасности Чистополя [5, л. 101]. Н.А. Антропов состоял членом чистопольского биржевого общества, занимался хлебной торговлей по свидетельству второго разряда. Исповедовал православную веру.

Иван Николаевич Антропов родился 7 июня 1894 г. в Чистополе. В 1914 г. он окончил местную гимназию, после чего поступил на юридический факультет Казанского императорского университета, но не успел завершить обучение, т.к. в 1915 г. был призван на военную службу.

Из личного дела И.Н. Антропова в фонде «Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» стало известно, что в 1915 г. в Ташкенте он окончил ускоренный курс военного училища, получил звание штабс-капитана (пехота). В Первой мировой войне он участвовал в качестве младшего офицера в составе 8-го Сибирского стрелкового запасного полка в г. Асхабаде³ (в 1916 г.), в 1917 г. был отправлен на Румынский фронт. В анкете он написал, что «в Германскую войну в боях не участвовал», т.к. был в запасе [9, л. 3, 11 об.]. Однако за участие в ней Антропов получил орден Св. Николая Чудотворца на Романовской ленте⁴.

3 Асхабад – первоначальное название г. Ашхабада.

4 Орден был учрежден 19 июля (1 августа) 1929 г. Российским императорским домом в эмиграции и его главой великим князем Кириллом Владимировичем, в 1924 г. провозгласившим себя Императором Всероссийским Кириллом I. Право ношения ордена предоставлялось ветеранам Первой мировой войны, находившимся в эмиграции. См.: [12, с. 174–177; 23].

5 В Сибири в годы Гражданской войны разразилась эпидемия сыпного тифа, что было связано с перемещением сюда миллионов масс людей – войск, беженцев, военнопленных. См.: [13; 24].

6 Великий Сибирский Ледяной поход – отступление армии адмирала Колчака на восток России с ноября 1919 г. до февраля 1920 г.; в тяжелейших условиях был совершен переход протяженностью более 2 тыс. км от г. Омска до оз. Байкал. 8-я Камская дивизия, в которой служил И.Н. Антропов, шла под командованием В.О. Каппеля. См.: [3, с. 51; 15, с. 126].

7 Вероятно, И.Н. Антропов имел в виду Знак отличия Военного ордена «За Великий Сибирский поход», учрежденный 11 февраля 1920 г. приказом главнокомандующего войсками Восточного фронта Русской армии Генерального штаба генерал-майора С.Н. Войцеховского.

8 Скорее всего, имелся в виду Знак отличия Первого Кубанского похода генерала Корнилова, учрежденный 21 сентября 1918 г. приказом главнокомандующего Добровольческой армии А.И. Деникина (знак первой степени выдавался участникам боевых действий, знак второй степени получали те, кто не принимал непосредственного участия в боях). Терновый венец был символом мученичества. В эмиграции выдача знаков (или удостоверений к ним) продолжалась до конца 1950-х гг. См.: [11, с. 55].

В Гражданской войне он принимал участие с 1918 г. И.Н. Антропов служил в частях белой армии адмирала А.В. Колчака и генерала В.О. Каппеля, сначала (в 1918 г.) в составе 2-й Казанской мортирной батареи был младшим офицером связи, затем – во 2-м Казанском легком артиллерийском дивизионе, откуда был переведен в 8-ю Камскую дивизию имени адмирала Колчака, в 30-й Аскинский полк комендантом полка (в 1919 г.). В анкете И.Н. Антропов упомянул о сыпном тифе⁵, которым переболел, о том, что на Байкале отморозил правую ногу и в Верхнеудинском госпитале ее ампутировали ниже колена. Он писал: «В Гражданскую войну от самой Казани совершил весь Сибирский ледяной поход» [9, л. 3]⁶. За это он получил, по собственному признанию, орден⁷. И.Н. Антропов указал и на другую полученную им награду – «Терновый венец с мечом на Георгиевской ленте», которую вручали за участие в Первом Кубанском походе 1918 г., однако в его анкетах нет сведений о месте и времени, когда он мог его совершить⁸. Сам он в анкете пояснил, что награжден «за Гражданскую войну» [9, л. 3].

В Маньчжурию Иван Николаевич прибыл 21 марта 1920 г. из Верхнеудинского госпиталя в санитарном поезде, будучи инвалидом. Никаких документов при себе не имел, кроме метрического свидетельства из Казанской духовной консистории, аттестата об окончании гимназии и свидетельства о болезни. Разрешения на выезд из России у него не было. В Харбине лечился в Красном Кресте (в 1921 г.), с 1922 по 1924 гг. находился в приюте для инвалидов (Госпитальный городской инвалидный барак №24 на ул. Штурмовой), затем (по сведениям 1935 г.) жил на ул. Участковая, 25. В Маньчжурии каждый эмигрант должен был получить вид на жительство и ежегодно оформлять паспорт [14, с. 120].

Заявления о вступлении в советское гражданство Иван Николаевич не подавал и советского паспорта не имел. В качестве причины выезда из СССР им было указано отступление с белой армией, причина въезда в Маньчжурию – «эвакуация» [9, л. 9]. По своим политическим

убеждениям был монархистом. Никакого имущества на чужбине он не имел. Оставался холостым, близких родственников у него здесь не было [9]. В тщательно заполненных анкетах нет упоминаний и о тех родственниках, которые остались на родине.

В анкете И.Н. Антропов пояснил, что с 1920 по 1936 год занимался частными уроками. В графе «Настоящая профессия» было записано: «Учитель математики. Языки. Конторщик». Владел английским и немного nipпонским языками [9, л. 1]. С 1933 г. служил в ежедневной газете «Харбинское время», но из-за сокращения штата с 1 января 1935 г. был уволен⁹. Фактически он стал безработным.

Исследователи отмечают, что в Харбине в 1930–1940 гг. люди думали прежде всего о выживании [14, с. 123]. Здесь И.Н. Антропов был готов поступить на должности конторщика, воспитателя, сторожа, швейцара, курьера, соглашался получить должность на железной дороге с отъездом на линию (хотя до этого никогда на железных дорогах не служил). В своем прошении от 16 марта 1935 г. он написал: «М[илостивый] Г[осударь]. Простите за беспокойство, которое я Вам доставляю этим письмом: все же еще хочется по-человечески жить, работать, иметь свой заслуженный кусок хлеба. Офицер царской армии двух последних войн. В Гражданскую войну сделался инвалидом, лишившись правой ноги ниже колена, и теперь хожу на протезе. Работать в состоянии: конторщиком, сторожем, курьером, швейцаром <...>. Очень нуждаюсь, безработным нахожусь вот уже около трех месяцев. Недавно мною подано прошение о службе на имя председателя Бюро, генерала [В.В.] Рычкова. Прошу Вашего благосклонного содействия об устройении меня на какую-либо службу. С совершенным почтением, инвалид И. Антропов» [9, с. 12–13].

С 1 сентября 1935 г. (или с апреля 1935 г. – данные двух анкет расходятся) Антропов состоял членом харбинского Русского учительского общества. С 30 сентября 1935 г. (или с июня 1935 г.) он был членом Союза русских военных инвалидов в Маньчжурской империи¹⁰. В эмиграции он был знаком с человеком по имени Иосихира, проживавшим в Садгороде на ул. Волжская и служившим на дороге (вероятно, на КВЖД). В качестве поручителей за себя И.Н. Антропов указал генерал-майора М.Е. Обухова – председателя Союза инвалидов и помощника

начальника 2-го отдела Бюро, а также К. И. Подольского, главу правления Русского учительского общества.

21 марта 1935 г. И.Н. Антропов заявил в очередной анкете, что не состоит ни в каких организациях, но «решил записаться в фашистскую партию» [9, л. 6]. Слово «решил» подчеркнуто красным карандашом (очевидно, помета сделана чиновником Бюро и намерение эмигранта имело важное значение для политического режима, установившегося в Маньчжу-Ди-Го)¹¹. К такому решению его могла подтолкнуть острая нужда: и прошение о приеме на работу, текст которого приведен выше, и упомянутая фраза в анкете хронологически почти совпадают (написаны с разницей в несколько дней). Однако никаких подтверждающих документов о вступлении Ивана Николаевича в эту партию в личном деле нет.

В 1935 г. Антропов ходатайствовал перед Бюро по делам российских эмигрантов о бесплатной выдаче ему личной учетной книжки, но получил отказ с рекомендацией обратиться в общество инвалидов, в котором он состоял, либо взять ссуду из благотворительного (третьего) отдела Бюро [9, л. 5]. По сведениям анкеты, в декабре 1935 г. у него уже был бесплатный годовой паспорт, выданный Департаментом полиции.

В личном деле есть заполненная эмигрантом анкета для Харбинского управления государственных железных дорог (Русского отдела службы общих дел). На бланке анкеты сверху сделана надпись: «На какую должность рекомендуется». Ответ в виде цифры «27» проставлен штемпелем красного цвета. В качестве желаемой указана должность конторщика. Внизу этой анкеты написана дата по календарю Маньчжурской империи – «Кан-Дэ 3 год 4 месяц 29 число» [9, л. 17]¹².

В октябре 1936 г. И.Н. Антропов был принят на учет при отделении Бюро на станции Пограничная. Отделение Бюро на этой станции было открыто 1 февраля 1935 г., начальником был основатель «Монархического объединения» Б.А. Шепунов (Шептунов) [1, с. 215]. Личная карточка И.Н. Антропова с надписью «конторщик», прикрепленная к личному делу, указывает на то, что работу он все-таки получил.

Последняя запись в документах – о смерти Ивана Николаевича в 1939 г. (соответствующая отметка сделана

⁹ «Харбинское время» – еженедельная газета на русском языке, которая была зарегистрирована в Японском генеральном консульстве. Первый выпуск состоялся в 1931 г. Существовала до 1945 г. См.: [22].

¹⁰ Союз русских военных инвалидов в Маньчжурии был создан примерно в начале 1931 г., свое название получил 26 июня 1933 г. Первоначально назывался Харбинской трудовой артелью военных инвалидов. 24 апреля 1933 г. правление артели возглавил генерал-майор М.Е. Обухов, занимавший эту должность вплоть до 23 июля 1940 г. См.: [7, л. 1–12 об.].

¹¹ Через несколько дней после этого заявления было подписано соглашение между СССР и Маньчжоу-Ди-Го об уступке Советским Союзом прав на КВЖД. Все русские сотрудники КВЖД были уволены в период с апреля по август 1935 г. См.: [2, с. 113].

¹² Период правления императора Пу И именовался Кан-дэ – первая эра в истории Маньчжоу-Го. 3 год эры Кан-дэ соответствовал 1936 г. по Григорианскому календарю.

чиновником Бюро 6 февраля 1939 г.).

Исследователи, изучавшие историю Белого движения и эмиграции, отмечают, что бывший подданный Российской империи, оказавшийся на чужбине вследствие социальных потрясений, произошедших после 1917 г., действительно, попадал в тяжелую жизненную ситуацию и перед ним остро стояла проблема выбора стратегии выживания [2; 6; 10, с. 59–64]. Купеческий сын И.Н. Антропов разделил судьбу многих эмигрантов, проживавших в рассматриваемый период в Харбине.

Пользуясь помощью благотворительных обществ, Антропов пытался найти себе кров, пищу, работу, с переменным успехом это удавалось. Навыки коммерческой деятельности, которые могли быть успешно реализованы на родине, в эмиграции оказались не востребованными. Единственное, что приносило пользу – знания, полученные в образовательных учреждениях дореволюционной России, позволявшие ему служить в редакции газеты, вести канцелярскую работу, преподавать и

получать заработок от частных уроков. Но эти заработки, как видно из анкет Антропова, носили непостоянный характер и не могли обеспечить достойную жизнь. И. Н. Антропов всеми доступными ему способами пытался склонить на свою сторону чиновников Бюро по делам российских эмигрантов, акцентируя внимание на своем социальном происхождении («родился в русской купеческой православной семье»), отказываясь от советского гражданства, выражая чувство преданности государству Маньчжу-Ди-Го и его идеологии, и, наконец, призывая помочь ему как инвалиду и участнику войн.

Имеющихся в личном деле И.Н. Антропова документов оказалось достаточно, чтобы на их основе реконструировать недостающие факты его биографии. Источники фонда «Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» могут быть использованы при изучении судеб и других представителей бывшей российской буржуазии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алепо А.В. «Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурской империи» в 1935–1936 гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы XII международной научно-практической конференции. 2022. №1 (12). С. 213–221.
2. Бай Сюэ. Индустрия развлечений русского Харбина первой половины XX в. (на примере «Модерна»): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2023. 212 с.
3. Бринюк Н.Ю. Крах армии А.В. Колчака и ее «Ледяной поход» под руководством генерала В.О. Каппеля // Военно-исторический журнал. 2013. №1. С. 48–54.
4. Бужков А.М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае (Дайрен, Тяньцзинь, Харбин, Хуньчунь, Цинаньфу, Шанхай), 1921–1949 гг.: материалы к справочнику. Владивосток: Русский Остров, 2005. 216 с.
5. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 419. Оп. 1. Д. 1475.
6. Гараева Л.М. Научная и педагогическая деятельность русских в Маньчжурии в конце XIX – первой половине XX века: дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2009. 287 с.
7. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1497. Оп. 1. Д. 1.
8. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 1.
9. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 1474.
10. Гончарова Н.В. Культура Российской эмиграции в Харбине (опыт историко-культурологического анализа): дисс. ... канд. культурологии. СПб., 2002. 229 с.
11. Дуров В., Рудиченко А. Орден первопроходников. Первый Кубанский поход генерала Корнилова // Родина. 2005. №9. С. 53–59.
12. Закатов А.Н. Императорский военный орден Святителя Николая Чудотворца. 1929–2014 гг. // Исторический вестник. 2014. Т. 9. №156. С. 168–213.
13. Зиновьев В.П., Суляк С.Г. Тифозная эпидемия в Сибири в период Гражданской войны // Русин. 2023. №73. С. 239–252. DOI: 10.17223/18572685/73/15.
14. Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е годы XX в.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2008. №2 (138). С. 116–124.
15. Мацакова В.М. Великий Сибирский Ледяной поход (к 100-летию трагедии белой армии) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. №2 (23). С. 126–129.
16. Натсак О.Д. Сменовеховство и «русский фашизм» как идейно-политические феномены (по материалам русской эмиграции в Харбине в 20–30 гг. XX в.): дисс. ... канд. философ. наук. М., 2000. 174 с.
17. Состояние Чистопольского общественного управления и г. Чистополя в 1897 году. Отчет городской управы. Чистополь: Типография А.Л. Архипова, 1898. 78 с.
18. Состояние Чистопольского общественного управления и г. Чистополя в 1899 году. Отчет городской управы. Чистополь: Типография А.Л. Архипова, 1900. 71 с.
19. Состояние Чистопольского общественного управления и г. Чистополя в 1902 году. Отчет городской управы. Чистополь: Типография А.Л. Архипова, 1903. 86 с.

20. Состояние Чистопольского общественного управления и г. Чистополя в 1908 году. Отчет Городской управы. Чистополь: Типография Н.Я. Улыбина, 1909. 83 с.
21. Состояние Чистопольского общественного управления и г. Чистополя в 1913 году. Отчет Городской управы. Чистополь: Типография Н.Я. Улыбина, 1914. 90 с.
22. Хисамутдинов А.А. Российская периодическая печать в Харбине // Ойкумена. 2016. №2. С. 154–167.
23. Чувардин Г.С. «Император Кирилл I» и правомонархическое будущее России: надежды, отчаяние, фарс // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2019. №3 (64). С. 89–107.
24. Шаламов В.А. Некоторые причины возникновения и пути распространения эпидемии сыпного тифа в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920) // Исторический курьер. 2024. №3 (35). С. 182–193. DOI:10.31518/2618-9100-2024-3-14.

© Кореева Наталья Анатольевна (KoreevaNata@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»